

Я-ДОБРОВОЛЕЦ

ЭРИК ВАЛЛЕН

СС

«БЕРСЕРК» ГИТЛЕРА

Эрик Валлен Я – доброволец СС. «Берсерк» Гитлера

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4991075

Я – доброволец СС. «Берсерк» Гитлера / Эрик Валлен: Яуза-пресс;

Москва; 2013

ISBN 978-5-9955-0514-3

Аннотация

[i]«**Ragnarök**» («**Гибель богов**»)[/i] – под таким заглавием мемуары Эрика Валлена увидели свет сразу после войны, а вскоре были переизданы уже как «**Endkampf um Berlin**» [i] («**Последние бои в Берлине**»)[/i] и под псевдонимом **Викинг Йерк**. Его судьбе и впрямь позавидовал бы любой из предков-берсерков, некогда наводивших ужас на всю Европу, – вступив в шведскую фашистскую партию Svensk Socialistisk Samling в 17 лет, Валлен добровольцем отправился на Зимнюю войну против СССР, а затем, дезертировав из армии нейтральной Швеции, воевал в Waffen-SS – в 5-й танковой дивизии СС «Викинг» и 11-й панцер-гренадерской дивизии СС «Нордланд», с которой прошел от Хорватии до Курляндского «котла» и от Померании до Берлина, был тяжело ранен в последних боях, но бежал из советского плена. И умер он полвека спустя не

в домашней постели, а на слете ветеранов-эсэсовцев – чем не пропуск в нацистскую Валгаллу?.. До самого конца этот гитлеровский «викинг» ни в чем не раскаялся и ничего не понял, оставшись заклятым врагом не только СССР, но и русского народа, а его патологическая русофобия и бешеная ненависть к «славянским недочеловекам» – лучшая вакцина от «коричневой чумы». Такие книги надо не запрещать, а прописывать всем доморожденным фашистам и отпетым либерастам – полюбуйтесь на звериный оскал европейских «освободителей от сталинского ига», задумайтесь, что было бы с Россией в случае их победы, осознайте, какого страшного врага разгромила и загнала обратно в кровавую Валгаллу наша Красная Армия!

Содержание

Синдром Полтавы	5
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эрик Валлен Я – доброволец СС. «Берсерк» Гитлера

Синдром Полтавы (предисловие переводчика)

В мировой истории есть несколько сражений, чьи названия давно стали нарицательными. Ну найдите мне хоть одного генерала, который не мечтает о своих, персональных Каннах?! Разумеется, в качестве Ганнибала, а не Варрона. Но были сражения не столь знаменитые, зато сразу переворачивавшие мировую историю. Может, один из противников даже успевал спасти кое-что после этой битвы, но больше не представлял собой серьезной угрозы ни завтра, ни послезавтра, ни через сто лет. Вот проиграл Наполеон Ватерлоо – и покатила история целой Европы по столь милым сердцу всех российских правителей самодержавно-крепостническим рельсам. Про Французскую империю уже и вспоминать было неприлично. Но даже эти громкие победы или не менее громкие поражения далеко не всегда оставались в памяти народа. Ну была какая-то там «Битва шпор» при Куртре –

и что до нее Жаку-Простаку где-нибудь в Лангедоке? Это графья и маркизья балуются, а нас сие не касается.

Зато в российской истории такая битва имеется. Она практически сразу оставила после себя поговорку «Погиб, как швед под Полтавой», жаль только, что егэшные поколения слишком креативно, чтобы ее знать. Да, 8 июля 1709 года под Полтавой произошло сражение, которое во многом предопределило судьбу России, сразу шагнувшей в ряды мировых держав. Одновременно это же сражение поставило жирный крест на потугах Швеции играть какую-то роль в европейской политике, а заодно предопределило судьбы многих народов Восточной Европы. Можно ли требовать большего от одной-единственной битвы, к тому же, признаемся честно, не самой масштабной?

Потери шведов в Полтавской баталии были очень тяжелыми, но все-таки более половины армии сумели спастись. Однако слишком тяжелым был полученный удар, поэтому вскоре под Переволочной остатки шведской армии капитулировали, не сделав ни единого выстрела. Нам будут говорить, что король Карл XII имел меньше сил, чем царь Петр, и вообще пренебрегал артиллерией. Ну так это проблемы Карла, которые лишь подчеркивают глупость попыток объявить его гениальным полководцем. И вообще, Швеция как военная сила умерла под Полтавой! Она превратилась в мелкое государство где-то на диком Севере, играющее роль разве что в судьбах белых медведей.

Нет, по инерции Швеция еще ухитрилась затеять целых три войны с Россией, но с самыми плачевными для себя результатами. Стоило ли так напрягаться, если за три войны шведская армия не сумела выиграть не то что ни одного сражения, но даже ни одной маленькой стычки?! Полным апофеgeeм этих, с позволения сказать, «войн» стали события 1744 года, когда Швеция, едва подписав мирный договор с Россией, буквально через неделю обратилась к ней же (!!!) с униженной просьбой о военной помощи против Дании. Все военные действия велись на территории Финляндии, которая в то время представляла собой нечто более дикое, чем современная сибирская тайга. В общем, все закончилось блистательным переходом русских войск через льды Ботнического залива в 1809 году, когда «властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда» мог одним росчерком пера поставить жирную точку в истории Швеции как суверенного королевства, превратив его в какое-нибудь полувассальное герцогство Седерманланд. Но не решился. А зря! Никто не мешал прибрать к рукам провинцию Норрботтен с богатейшими железными рудниками Кируны.

Впрочем, что мы все о делах давно минувших дней?! Ведь книга рассказывает о событиях Второй мировой войны. Дело в том, что Гитлер усиленно пытался превратить свой поход на Восток в крестовый поход всей Европы против мирового коммунизма и еврейства, но совершенно в этом не преуспел. Да, в составе германской армии действовали доб-

ровольческие подразделения, сформированные из граждан других стран, но численность их была слишком мала, чтобы играть серьезную роль в ходе военных действий. По самым завышенным оценкам, в составе Ваффен СС за годы войны побывали 360 000 иностранных добровольцев, не слишком много для шести лет войны. При этом большинство иностранных дивизий СС не отличались высокими боевыми качествами, хотя им давались громкие названия. Вот и эта книга рассказывает о приключениях шведа, воевавшего в составе 11-й добровольческой панцер-гренадерской дивизии СС «Нордланд», которая входила в состав III танкового корпуса СС. Между прочим, мало кто знает, что на самом деле это соединение именовалось III (Germanic) SS Panzer Corps. Вот как: 3-й германский танковый корпус СС. Заметьте, не Deutsche – немецкий, а именно Germanic – германский, название, символизирующее единство германских народов. В ее состав вошли 23-й («Норге») и 24-й («Данмарк») панцер-гренадерские полки СС. Вы спросите: а где же шведский полк? А нет его! Шведов заманить походом в Россию не удалось, видимо, на уровне генетической памяти уже полтора века сидело в них: «Не ходи на Русь! Там живет шведская смерть!» Не получилось сколотить нордическое боевое братство, 6000 норвежцев, 6000 датчан – вот и все. А шведы, воевавшие в СС, прекрасно известны поименно, потому что было их ровно 262 человека! Желающие могут без особого труда найти полный список этих добровольцев в Интернете.

Между прочим, я пробежался по нему и сразу увидел фамилии героев этой книги.

Правда, и здесь все не слишком просто. Справедливости ради отметим, что во время Советско-финской войны на стороне финнов сражались 8402 шведа. Но, похоже, эта война тоже не добавила им оптимизма, потому что, когда в 1941 году военные действия вспыхнули снова, на помощь финнам отправились только 3273 шведа. Помочь финнам защищаться от «русского медведя» шведы еще кое-как соглашались, а ехать в Германию, чтобы участвовать в «крестовом походе», рискнули очень немногие. И вот здесь мы и сталкиваемся с автором этой книги Эриком Валленом.

Эрик Валлен родился 2 августа 1921 года в Стокгольме в добропорядочной шведской семье и вполне мог прожить свою жизнь спокойно и размеренно. Вообще, сытая и благополучная жизнь в Швеции не располагает к бурным приключениям, если только ты не Муми-тролль. Так случилось бы и с Эриком, если бы он в юности не вступил в Nordisk Ungdom – молодежную организацию шведской фашистской партии Svensk Socialistisk Samling. И вот с этого момента биография Эрика пошла бешеным зигзагом, о подробностях которого он предпочитает помалкивать. Впрочем, справедливости ради отметим, что вряд ли он был убежденным фашистом, какие, к черту, идеологические убеждения у 17-летнего сопляка?!

Скорее всего, только внешняя романтика войны и тяга к приключениям заставили его в 1939 году отправиться добровольцем в Финляндию, чтобы принять участие в так называемой Зимней войне. Эрик попал, наверное, на самый сложный участок фронта – в северную Финляндию. Казалось бы, холод, грязь и кровь отучат его искать романтику там, где она даже не ночевала, но нет. В 1941 году после вторичного нападения СССР на Финляндию Эрик опять отправляется покорять, теперь он служит в батальоне «Ханко». В 1942 году он возвращается на родину и его призывают в шведскую армию, он попадает в зенитно-артиллерийский полк Lv 7, откуда в январе 1943 года дезертирует. При этом мягкие шведские законы совершенно не мешают ему выехать в Германию и записаться добровольцем в Ваффен СС.

Как ни странно, он отказывается принести личную клятву Адольфу Гитлеру, что было обязательно для эсэсовца, но его все-таки оставляют в 5-й танковой дивизии СС «Викинг», хотя довольно быстро переводят в 11-ю добровольческую панцер-гренадерскую дивизию СС «Нордланд». В составе этой дивизии он сражается в разных местах, и вот здесь начинаются неясности. В послужном списке упоминается Хорватия, но туда эсэсовцы в 1943 году могли попасть только в качестве карателей, а этим как-то не принято хвастаться среди правильных европейских фашистов. Потом он воюет в Прибалтике, в частности в Курляндском котле, Померании и Бранденбурге, в мае 1945 года сражается в Берлине. Там

он получает тяжелое ранение и попадает в госпиталь, после чего начинается заключительная и не менее захватывающая часть его одиссеи.

Валлен каким-то чудом избавляется от эсэсовского мундира, который гарантировал ему практически верный расстрел, и бежит из госпиталя, хотя тот охраняется советскими солдатами. Он пробирается в шведскую дипломатическую миссию, несколько дней живет на конспиративной квартире (!), а потом вместе с товарищем отправляется пешком через половину Германии к британской зоне оккупации. Вы верите в это? Я – с большим трудом. Не проще ли предположить, что он был просто завербован советской разведкой, которая обеспечила переброску агента к месту будущей работы? Конечно, в Германии в то время царил страшный бардак, но не до такой же степени. Так или иначе, но Валлен через Бельгию и Данию возвращается на родину, где попадает на три месяца в тюрьму за дезертирство и кражу военного имущества (мундира). Опять эти мягкие шведские законы! После этого он пишет книгу, которая в декабре 1945 года выходит в Швеции под названием «Ragnarok» – «Гибель богов». В 1947 году книга была переиздана в Буэнос-Айресе под названием «Endkampf um Berlin» – «Последние бои в Берлине», причем под псевдонимом Викинг Йерк.

После войны Валлен много путешествовал, побывал в Марокко, Афганистане, где встречался с королем Закир-шахом. Во время путешествий Валлен успел пообщаться с из-

вестным советским писателем и пропагандистом Ильей Эренбургом. Законный вопрос: мирному, добропорядочно-му шведу такое надо? А вот советскому агенту – очень даже кстати.

Валлен скончался в 1997 году в Берлине на слете ветеранов дивизии СС «Нордланд» (и здесь ухитрился отличиться!), но похоронен в Стокгольме. Его могила расположена в 50 метрах от могилы его бывшего командира гауптштурмфюрера СС Ханса-Гесты Перссона, с которым вы еще встретитесь на страницах этой книги.

Несмотря на скромный объем, книга Эрика Валлена открывает нам много любопытных деталей, касающихся последних боев в Берлине в мае 1945 года. Прежде всего несколько неожиданно выясняется, что далеко не все было благополучно и на германской стороне линии фронта. Для меня стали форменным откровением признания Валлена, что им стреляли в спину, то есть Германия в эти последние дни была далеко не столь монолитной, как в период побед.

Еще один интересный психологический момент. Уже во второй книге, которую мне пришлось переводить, бывшие солдаты противника описывают тот ужас, который вселяли в них «Сталинские органы», или «Катюши». Это вам не советские агитки военных времен, а невольные признания злейших врагов Советского Союза и Красной Армии. И Леон Дегрель, и Эрик Валлен признают, что они до судорог боя-

лись «Катюш».

Я неспроста упомянул здесь Леона Дегрелля, которого с Валленом роднит патологическая звериная ненависть к русским. Собственно, и для Дегрелля, и для Валлена, и вообще для **всех** правильных европейских фашистов и эсэсовцев русский народ не существует. Нам опять рассказывают про диких косоглазых вонючих монголов, которые пришли порушить великую европейскую цивилизацию. А вот что делали эти цивилизаторы на Дону и Волге, авторы скромно умалчивают. В последнее время модным стало размахивать интервью, которые битые эсэсовцы давали спустя полвека после окончания войны, распинаясь, как они любят Россию и великий русский народ. Ну, еще бы, в 1990-х годах начнешь бормотать про «славянских недочеловеков», так, чего доброго, в приют для слабоумных попадешь. А вот книги, написанные сразу после капитуляции Германии, прекрасно показывают, что **действительно** думают о России и русских эти, с позволения сказать, герои. Почитайте, как Валлен искренне недоумевает, почему славянские рабочие, которых привезли в Германию и позволили работать на бла-ародных немецких господ, этих самых господ ненавидят и убивают.

Небольшая документальная вставка. Во время визита в шведское посольство в Берлине в октябре 1941 года два шведских добровольца СС сообщили, что солдаты дивизии СС «Викинг», значит, и они сами, обращаются с пленными крайне жестоко и убивают их. Шведский военный атта-

ше записал: «Ваффен СС редко берут пленных. Если только они не сдаются группой большой численности – более роты, их расстреливают на месте. С пленными обращаются очень грубо, их подгоняют пинками и ударами. Женщин в форме убивают немедленно. Так поступают не только СС, но и Вермахт». (Westberg, Lennart, «Svenska frivilliga i tyska *Waffen SS* 1941–1945» in *Meddelande Armémuseum*.) Заметьте, это нейтральный свидетель, не питающий любви к Советскому Союзу и русским, как все шведские военные, но все-таки не доброволец СС.

Поэтому помните, какую участь готовили нам не только нехорошие гитлеровцы, но и чистенькие европейские фашисты! Помните, от чего нас избавила Красная Армия!

Глава 1

Сочельник, 1944–1945

Вместе с группой армий «Север», которая состояла из 16-й и 18-й армий, III танковый корпус СС под командованием обергруппенфюрера СС Феликса Штайнера был отрезан от остальных немецких войск и попал в Курляндский котел. Для окруженных войск особую важность представлял морской порт Либава. С середины октября 1944 года танковый корпус Штайнера, состоящий из 11-й («Нордланд») и 23-й («Нидерланден») панцер-гренадерских дивизий СС, удерживал линию фронта от Приекуле через Пурмсати и до Скоудас.

Основная линия обороны проходила вдоль железной дороги через развалины Пурмсати и деревеньку Бункас. По одну сторону путей стояли войска СС, по другую – Красная Армия. Бункас находился примерно в километре к северу от Пурмсати. В то время было очень холодно, до минус 30 градусов.

Мы сидели за грубо сколоченным столом в блиндаже и играли в карты, слушая по радио новогоднее обращение главнокомандующих видов войск и веселенькие рождественские песни. Мы, как могли, украсили наш бункер к Рождеству. У

нас была елка, свежесрезанные еловые ветки и даже мишура, а еще маленькие сувениры, которые принесла перед Рождеством полевая почта. К Сочельнику в нашем временном подземном бункере царила почти домашняя атмосфера. Загрубелые, потрескавшиеся от мороза солдатские руки бережно и нежно собирали по кусочкам это новогоднее чудо, чтобы каждый мог насладиться духом Рождества. Мы все еще могли волноваться о таких мелочах в последние дни декабря.

В походной печке у нас было несколько котелков с дымящимся горячим *глоггом*, северной версией подогретого вина со специями. То один, то другой солдат подходил к печке и делал полный глоток из котелка, вычищенного до блеска по такому случаю. Мы с наслаждением курили специальные, рождественские сигареты, которых тогда у нас было в избытке. Их доставила каждому полевая почта, и с ними в пакетах были сладости и печенье. Игральные карты звучно шлепали по грубой поверхности стола, и тихое звучание рождественских песен по радио изредка прерывалось чьим-нибудь азартным комментарием об игре или храпом одного из товарищей, вернувшихся из дозора. Эти ребята спали, вырубившись прямо на полу, и это нормальный сон для солдат первой линии обороны.

Раздался громкий звон полевого телефона. Это был наш командир роты, который хотел поговорить со мной о корректировке запланированного на завтра обстрела. Наши минометы должны были обстрелять новую цель во вражеских по-

зициях. Он приказал мне дойти до нашего наблюдательного пункта, расположенного ближе всех к позициям противника, за пределами Бункаса, и осмотреть территорию, по которой мои минометчики будут стрелять утром.

Один из моих друзей принял мои карты и сел за стол вместо меня, а я, обрядившись в белый камуфляжный костюм, забросил на плечо патронташ и пистолет-пулемет и нацепил на голову выкрашенный белым шлем. Уже на выходе я оглядел наш блиндаж, присосавшись к *глоггу* из своего котелка. Внезапно он показался мне таким уютным и удобным, несмотря даже на утопанный земляной пол. В свете рождественских свечей по буро-черным земляным, слегка украшенным стенам плясали тени столпившихся у радио солдат. Я, зажав под мышкой свой верный и незаменимый «MP-40», кивнул игрокам за столом, а затем пинком открыл замерзшую, белую от снега дверь и вышел в ночь.

Луна выглядывала из-за посеребренного ее светом облака, и ее яркий мерцающий свет заливал все вокруг. Все линии казались бритвенно-острыми и были отчетливо видны в свете, отраженном от холодного сверкающего снега. Несколько деревьев, изрядно покалеченных пулями и снарядами, с расколотыми стволами и перепутанным переплетением веток, напомнили мне гротескные фигуры персонажей сказок, вроде хобгоблинов или домовых.

Деревня – или маленький городок, как хотите, – тоже выглядела менее реальной, чем обычно: там, где раньше стоя-

ли дома, из груд щебня и покореженных балок поднимались только одинокие, почерневшие от огня печные трубы, уцелевшие после артиллерийского и минометного огня русской армии, едва прикрытые снегом. В укутанной снегом мертвой деревне то там, то тут на земле можно было рассмотреть чернеющие ямы – следы артобстрела. От артиллерийских снарядов на промерзшей земле остались черные пропаханные борозды, а вот мины калибра 120 мм оставляли после себя круглые дыры с черными обгорелыми следами вокруг.

Руины казались безжизненными. Но, зазвучи сигнал тревоги, предупреждающий о вражеской атаке, сразу можно было бы увидеть, как среди развалин мелькают группы людей, потому что в подвалах разрушенных домов прятались солдаты, готовые выбежать из своих укрытий, добраться до окопов и встретить большевиков смертоносным огнем.

Таким был канун Нового года 1944–1945 годов в Бункасе, крошечном «гнездышке» в Курляндии, чьи развалины подарили нам укрытие от легкой смерти на открытом пространстве вокруг деревни. Из-за этого деревня стала связующим звеном линии защиты курляндского плацдарма, которую солдаты называли ПКО – Последний край обороны в Курляндском котле. Полностью отрезанные от Германии, мы стояли там, готовые отразить любую, даже самую жестокую атаку с востока из Азии.

После трех с лишним лет борьбы на Восточном фронте и двух лет постоянного отступления наш боевой дух все

еще не был сломлен. Мы выживали в самых тяжелых условиях. Каждый день мы сталкивались лицом к лицу со смертью и разрушением. Иногда простые солдаты были истощены физически и морально, но их боевой дух оставался несокрушимым. Наша вера держалась в основном на убежденности в том, что наше оружие превосходит вооружение врага и наши боевые навыки легко выдержат натиск неотесанных варваров с востока.

Да, каждый день мы слышали в сводках по радио, как американские и британские войска постоянно теснят наши армии на западе, как целые армады гигантских бомбардировщиков сбрасывают свой смертоносный груз на города Германии, уничтожая дома и людей. Но мы также знали, что самые важные промышленные предприятия Германии давно переведены под землю и неуязвимы для воздушных атак. Мы знали, что производство более совершенного оружия вскоре будет поставлено на поток и что немецкие войска на Западном фронте буквально несколько дней назад начали успешное наступление в Бельгии и Люксембурге. Скоро это ужасное давление превосходящих сил противника прекратится, нужно потерпеть только несколько месяцев.

А потом мы нанесем сокрушительный ответный удар, уничтожая все на своем пути, особенно здесь, в Курляндии. Здесь, на изолированном островке сопротивления, 11-я панцер-гренадерская дивизия «Нордланд» и остальные части имели очень важную задачу. Мы жестко и непоколебимо

отбивали неистовые атаки Красной Армии и должны были подарить передышку нашим резервам, которые в то время собирали в Германии.

Я погасил свою слишком заметно светящуюся сигарету о дверь блиндажа, который занимали мои минометчики. Он находился всего в 300 метрах от линии фронта. Бункер командира роты, в свою очередь, располагался в подвале бывшей железнодорожной станции. Он сказал мне сначала зайти к нему, чтобы получить дальнейшие указания. На самом деле, идти туда было довольно далеко, но на протяжении всего пути я мог не бояться, так как был надежно укрыт от вражеских наблюдателей. Я перекинул патронташ на другое плечо, крепче сжал свой автомат в руках и пошел, пнув походя закоченелый труп замерзшей крысы с отвратительно торчащими под верхней губой зубами. О, в Бункесе было множество огромных крыс.

Множество ругательств слышали развалины Бункаса на шведском, немецком, датском и норвежском языках, а затем, наверное, на русском и монгольском. Я тоже ругался, пока добирался до бункера командира, спотыкаясь о промерзшие кирпичи. К счастью, мне не приходилось беспокоиться о русских снайперах, которых вообще-то в нашем секторе было многовато. Нам нужно было следить только за артиллерией и минометами. Однако они, наверное, тоже справляли Сочельник, и потому сейчас было тихо. На подгибающихся ногах я подошел к защитной стене, которая проходила мет-

рах в двадцати от бункера командира роты. Пространство от стены до бункера отлично просматривалось со всех сторон, а недавно русским удалось отвоевать небольшой пригорок по ту сторону железнодорожной насыпи, с которого этот участок отлично простреливался. Крадучись и пригибаясь, я пробежал эти двадцать метров и успел скрыться за дверью бункера как раз в тот момент, как на пригорке застрекотал пулемет. С неприятным свистом пули ударялись о кирпичную кладку стены, рикошетом отлетая дальше, в развалины.

Доложив командиру роты, который играл в шахматы, я получил разрешение на небольшой отдых в приятном тепле бункера. Командиром был мой земляк, оберштурмфюрер СС Ханс-Геста Перссон, он же ГП. Строгая дисциплина и порядок даже в мирные часы на передовой, которых можно достигнуть только через настоящее товарищество между офицерами и подчиненными, помогали войскам СС сражаться. Не знаю, возможно ли это, но командиру в своем бункере удалось создать еще более уютную атмосферу, чем у нас, в бункере минометчиков. Надпись на стене гласила «Важнее золота домашний наш очаг», и странно было видеть упоминание о доме здесь, на дальнем Восточном фронте.

Не прерывая партию в шахматы, командир роты отдал мне приказ, который касался как раз того самого «беспокоящего» пулеметчика, которого нам нужно было уничтожить. Нашим минометчикам нужно было превратить этот пригорок в могилу для любого солдата Красной Армии, который

посмеет туда прийти. Командир роты плеснул мне шнапса из бутылки «для согрева», как он сказал, и я вышел, чтобы лично все осмотреть. Глубокая траншея привела меня к двум солдатам, сидящим в своем окопе возле пулемета. Шла ожесточенная перестрелка, и я поинтересовался у ребят, что происходит.

– Да они просто палят в небо, вроде как салют к Сочельнику, а мы отвечаем.

К тому моменту эта сумасшедшая стрельба началась буквально по всему нашему сектору, везде, с обеих сторон, раздавались залпы орудий.

– Кажется, они там вконец упились, – сказал пулеметчик. – Слышите, как они дерутся там, у себя!

С другой стороны насыпи, всего в 50 метрах от нашего пулеметного гнезда, большевики расположили свои передовые позиции, обороняемые солдатами только по ночам. Иногда они подбирались к нашему охранению и швыряли в часовых ручными гранатами. Днем их окоп пустовал.

Некоторые доносящиеся оттуда сейчас звуки никак не подходили для обычной ночи на фронте. Кто-то играл на губной гармошке, и было слышно, как громко переговариваются остальные. Некоторое время спустя огонь с обеих сторон стал стихать и вскоре вообще прекратился. Даже громкие голоса большевиков стихли. В тишине и покое я смог продолжить свои наблюдения и вычисления для завтрашнего обстрела.

Такая погода была мне только на руку, потому что облака иногда проносились над линией фронта, скрывая меня своей тенью, пока я пробирался там, где обычно все было залито лунным светом. В часто обстреливаемой зоне сейчас было тихо, и тишина нарушалась только редким металлическим стуком оружия, случайно задевшего что-то, да тихим бормотанием со стороны врага. Даже привычного шума моторов машин и гула танков не было слышно. Лишь изредка в небо взмывала сигнальная ракета, и вспышка на мгновение озаряла пустынные развалины вокруг меня. О, этот Новый год на фронте!

Эта красота задержала меня после того, как я исполнил приказ командира. То ли из-за неподвижности, то ли из-за пресловутого духа Сочельника на меня напало какое-то странное настроение, пока я стоял в этой траншее с двумя своими товарищами. Мысли бродили где-то далеко. Но вдруг мои размышления были прерваны хриплым, гортанным окликом из траншеи русских, с другой стороны насыпи.

– Эй, камрад, ты чего такой серьезный? Опять получили капустный суп на ужин?

Говорили медленно, на ужасном ломаном немецком с монгольским акцентом, но тон был доброжелательным. В эту спокойную ясную ночь русских было слышно так же хорошо, как если бы они сидели с нами рядом, возле нашего пулемета. Один из пулеметчиков вцепился мне в руку, и мы уставились друг на друга в изумлении. В первый раз за

три с половиной года войны большевик заговорил с нами через полосу ничейной территории. Эта война была настолько горькой и ожесточенной, что, в отличие от Первой мировой, солдаты враждующих армий никогда – никогда – не переговаривались в часы затишья.

Когда мы опомнились от первого шока, мы громко рассмеялись, и этот смех распространился по остальным постам нашей линии охранения, где тоже слышали слова русского солдата. О, это была прекрасная шутка: медленная речь с чудовищным акцентом и эта общая солдатская ненависть к извечному капустному супу. Наш пулеметчик выпустил короткую очередь в небо смеха ради, и через мгновение стрекот пулеметов из соседних окопов наполнил тишину над полосой нейтральной земли. Потом все стихло, и мы затаились, ожидая, что же случится дальше.

– Зачем ты стрелял, камрад? – снова спросил голос из русской траншеи.

– Если ты придешь к нам и поиграешь немного на губной гармошке, – сказал пулеметчик, – я обещаю больше не стрелять.

Мы осторожно выглянули из нашего окопа. Это могла быть хитрая уловка, чтобы заставить нас почувствовать себя в безопасности, а потом быстро атаковать. Никогда не угадаешь. Изобретательность большевиков изрядно портила нам нервы на этой войне.

В ночном небе над нами не было ни облачка, и пронзи-

тельный, холодный свет луны, отраженный мерцающим снегом, превращал ночь в день. Все часовые вокруг слышали наш диалог и теперь с интересом ожидали ответа русского солдата, внимательно вслушиваясь в тишину. С той стороны насыпи послышалось живое бормотание, но слов было не различить, однако было ясно, что наше предложение было взято на серьезное рассмотрение. Затем голоса русских стихли. Через распахнутые двери грузового вагона, сошедшего с путей и упавшего точно между нашим окопом и траншеей русских, я заметил силуэт, отлично видный на фоне белого снега: сначала голова, потом плечи – и вот уже солдата Красной Армии видно целиком. Он вместе с двумя его товарищами карабкался по насыпи со своей стороны.

Добравшись до вагона, шедший первым большевик сыграл несколько тактов на губной гармошке, начиная обещанный концерт. Русские предприняли несколько абсолютно безуспешных попыток взобраться на опрокинутый вагон. Очевидно, очень много водки плескалось тогда в их желудках, но, с другой стороны, Сочельник бывает только раз в году. На нашей стороне насыпи тоже царило хорошее настроение благодаря подаренному шнапсу, пиву и вину, присланным полевой почтой. Пьяные большевики под всеобщий смех прекратили свои безуспешные попытки взобраться на вагон и вместо этого рядком встали перед ним с нашей стороны.

Первая мелодия была тяжелой и печальной, с привычны-

ми русскими переливами. Лица русских не были видны в тени, но зато я различал швы на их теплых и мягких одеждах, зрительно увеличивающих и без того крепкие фигуры солдат. Внезапно музыка переменялась, став более веселой и живой, похожей на казачьи пляски. Наш второй пулеметчик начал подпрыгивать в такт этой музыке, чтобы разогнать кровь в замерзших ногах, но был вынужден остановиться, потому что темп музыки все ускорялся и ускорялся, и парень не поспевал за ней. На неистовом крещендо эта мелодия оборвалась.

Стоящий посередине русский попытался поклониться и растянулся на снегу во весь рост под громкий хохот часовых с обеих сторон насыпи. После нескольких попыток ему удалось вновь встать на ноги, и, мне показалось, он был немного задет этим смехом. Когда смех стих, из траншеи большевиков раздался голос четвертого солдата. Он отпустил сальную шутку насчет неких частей тела, которую понял каждый боец на нашей стороне даже без перевода, и смех снова грохнул, как залп, над насыпью, отражаясь эхом от руин за нашей спиной. Эхо сопровождало наших новогодних музыкантов до самого их окопа, пока они, поддерживая друг друга и пошатываясь, пробирались по своей стороне насыпи.

Наш командир роты, который слышал весь этот смех, стоя у дверей бункера и предаваясь размышлениям, пришел к нам по соединительной траншее, чтобы узнать, что нас так развеселило. Взволнованные этим неожиданным концертом,

мы втроем, перебивая друг друга, рассказали ему о том, что только что было, и о забавной новогодней шутке большевиков. Выслушав эту удивительную историю, командир сказал, смеясь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.